

К 115-летию со дня рождения Ю.Н.Тынянова

Е.К. Никанорова

Новосибирский государственный педагогический университет

Принципы организации сюжета в «Малолетном Витушишникове» Ю.Н. Тынянова

Аннотация: Предметом рассмотрения является сюжет повести, построенный по кумулятивному принципу. Логика сцепления событий определяется именем героя, семантика которого выполняет смыслопорождающую функцию и представляет собой образно-метафорический эквивалент сюжета.

The subject under study is a plot of the story formed on a cumulative basis. The logical concatenation of events is dictated by the name of the character, the semantics of which being a figurative equivalent of the plot, acts as a vehicle for generating content.

Ключевые слова: Тынянов, повесть, кумуляция, герой, сюжет, семантика, власть, пародия, пустота, фикциональность.

Tynyanov, story, hero, cumulation, plot, character, semantics, power, parody, void, fictionality.

УДК: 821.161.1(092)Тынянов.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, филологический факультет. Тел. (383) 2440630. E-mail: ifmip@nspsu.net.

Движение событий в «Малолетном Витушишникове» определяется принципом случайности, который находит выражение в настойчивом повторении слов «вдруг», «внезапно», «неожиданно».

«*Вдруг* в окне, справа, мелькнули: конская мора, блестящий мундштук, кучерская шапка, и взлетел шпик каски» (с. 483)¹.

«Тогда, ничего не понимая, но воздержась от дальнейших расспросов, он *внезапно* двинулся вон из заведения (с. 485).

«Он ... начал уже входить во вкус операций – и вот – среди бела дня, *неожиданно* – сел в яму» (с. 489–490).

«Слухи, которые поползли разом и *вдруг*, имели особенно злонамеренный характер» (с. 500).

Принцип случайности является, по мнению исследователей, занимавшихся изучением прозы Тынянова, определяющей чертой его поэтики. Так, Л. Цырлин, характеризуя сюжет «Подпоручика Киж», пишет: «Молодой офицер, крикнувший “Караул”... дает толчок сложному ходу событий и роковых обстоятельств, не предусмотренных никакой логикой, кроме логики *неожиданности*» [Цырлин, 1935, с. 89]².

События, составляющие фабульную основу «Малолетного Витушишникова» и являющиеся неожиданными для лиц, вовлеченных в них, выстраиваются по за-

¹ Здесь и далее ссылки на «Малолетного Витушишникова» даются в тексте в круглых скобках по изданию: [Тынянов, 1959, с. 483]. Курсив в цитатах мой.

² Ср. о «Смерти Вазир-Мухтара: «Движение романа образуется не развивающимися и не разветвляющимися отношениями, но встречами, случаями, столкновениями, сюжетно неорганизованными, непредвиденными и нерассчитанными» [Цырлин, 1935, с. 33].

кону цепного усиления, или нарастающего повтора, характерному для сюжетов кумулятивного типа¹.

Другая характерная черта кумулятивных сюжетов – принцип семантического тождества². Что объединяет между собой отдельные эпизоды, составляющие звенья кумулятивной цепи, и какую роль в развитии сюжета играет Витушишников, именем которого названа повесть? Выяснению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Исходным звеном в цепи событий, имевших серьезные, едва ли не катастрофические последствия для отдельных лиц и государства в целом, явилась ссора Николая с фрейлиной Нелидовой. Причиной ссоры стало дело, имевшее, казалось бы, сугубо частный характер: «Несколько дней назад, при обычном представлении императору, она *вдруг* скрыла лицо на его груди и заявила, что понесла» (с. 469). Будучи «приятно удивлен», Николай принял нужные в данной ситуации меры: стал обдумывать герб, титул, фамилию будущего ребенка и поведение матери. «Но вслед за этим император немного увлекся. Думая в этот день исключительно о предметах, связанных с женщиной и ее назначением, он живо представил себе событие всего и ясно увидел сцену: как он впервые приветствует младенца. <...> На руках у нарядной кормилицы. И *незаметно*, может быть, мимоходом, вспомнив о форменных фрейлинских платьях, нахмурился: с женской формой дело не удалось и вызвало много толков. Тут же он *вдруг* подумал о форме для кормилиц. И сам удивился: у кормилиц самых высших должностей не было никакой формы» (с. 469–470).

Приглашение художников для разработки необходимой формы сообщило делу нежелательную публичность: «Вареньку Нелидову *вдруг* стали поздравлять, и дело получило самую широкую огласку» (с. 470). Следствием стал разрыв и просьба Нелидовой «уволить ее на покой». Поступок фрейлины, «обнаружившей при разрыве с императором изумившую всех смелость» (с. 511), вызвал у императора «потребность в государственной деятельности» (с. 475), которая могла бы вернуть ему уверенность в абсолютной власти над людьми и обстоятельствами³.

Перебрав в уме ряд возможных вариантов – чрезвычайный смотр полка, ревизия конюшенного ведомства и проч., – Николай «поехал *внезапно* ревизовать С.-Петербургскую таможенную» (с. 475).

Посещение таможни должно было, как это представлялось императору, обнаружить какое-нибудь злоупотребление, и, действительно, обнаружило, но полной неожиданностью стал тот факт, что виновником злоупотребления оказался шеф отдельного корпуса жандармов Орлов, воспользовавшийся официальным каналом для частных посылок. О взятках Орлова император знал и раньше, но «мирился с этим ввиду больших, чисто политических размеров взимаемого. Здесь же эти одеяла и двадцать штук беспошлинных женских сорочек удивили его, так сказать, домашнею осязательностью предметов» (с. 480).

Придя в полное негодование от подобного нарушения законных установлений, Николай, по выходе из таможни, ударил ногой тумбу, стоявшую на набережной, отчего та «*внезапно* повалилась набок» (с. 480). По распоряжению Клейнмихеля, тумбы были установлены за несколько часов до поездки императора, и установлены спешно, для виду, «а следы недавнего внедрения, насколько возможно, скрыты щепнем» (с. 475). Негодование переросло в гнев, и, поскольку Клейнми-

¹ Ср.: «Перед читателем развивается как бы цепная реакция маленьких причин, возникающих одна из другой и ведущих к разнообразным комическим, серьезным и абсурдным последствиям» [Скалова, 1976, с. 108].

² См.: [Бройтман, 2001, с. 71–72].

³ Ср.: «Варенька Нелидова была не только статна фигурой и правильна чертами. Но в ней император как бы почерпал уверенность в том, как все кругом развилось и гигантскими шагами пошло вперед» (с. 469).

хеля рядом не оказалось, император, чтобы не растрачивать гнев впустую, изменил обычный маршрут и отдал приказ ехать кругом, на Петербургскую часть.

Именно здесь, на Петербургской стороне, отличавшейся «обилием непроезжих *пустырей*», ему и довелось стать свидетелем нарушения, которое он наконец-то мог «пресечь лично»: «Двое рядовых лейб-гвардии Егерского полка ... вошли, неизвестно как отлучившись, в кабак» (с. 482).

В сознании Николая тут же составил план, отличавшийся простотой и ясностью: «Предстояло восстановить порядок, обличить виновных и обратить вещи в то положение, в котором они состояли до нарушения» (с. 482).

Однако реализация плана встретила серьезные затруднения.

Прежде всего, не удалось «обличить виновных», так как поиски солдат оказались безрезультатными. За отсутствием прямых нарушителей дисциплины, наказанию подвергся косвенно виновный Конаки, «человек небольшой и недавний» (с. 489). «Тогда император... наложил на доклад резолюцию: “Отдать под суд откупщика, которому кабак принадлежит, с прекращением его откупа, а в случае замешанности – со взятием имущества в казну”». «Я покажу им, – произнес он, – что в России еще есть самодержавие» (с. 489). Другой жертвой императорского гнева стала кабатчица: она была арестована поручиком внешнего отделения полиции Кошкулем 2-м и отправлена на каторжные работы.

Что же касается восстановления порядка, или обращения вещей «в то положение, в котором они состояли до нарушения», то эта задача оказалась и вовсе невыполнимой. Стремительное развитие событий, последовавших за резолюцией Николая, привело к угрозе финансового кризиса и к «брожению умов»: по городу «поползли разом и вдруг» слухи, имевшие «особенно злонамеренный характер» (с. 500). Слухи содержали разные версии происшествия, участниками которого были государь, солдаты и малолетний отрок: «двое солдат угрожали жизни императора, но его спас малолетний подросток»; «юный наглец бросил снежком в императора»; «на императора сделано покушение во время выезда на охоту» (с. 500). «Злонамеренность» слухов заключалась в том, что все они, в той или иной мере, ставили под сомнение основной миф николаевского царствования – о всесилии и всеведении монарха и о безусловной преданности ему подданных.

Здесь, как мне кажется, можно ответить на первый вопрос: что объединяет между собой события разного масштаба, начиная с размолвки между Николаем и Нелидовой и заканчивая колебаниями на бирже, ставя их в отношения семантического тождества или синонимии?

Общий смысл действий, субъектами которых выступают разные персонажи, заключается в их стихийном характере, нарушающем привычный порядок и «законные установления». В нарушении дисциплины или мыслях об отставке обнаруживается «слишком человеческое»: желания, чувства и привычки, не вмещающиеся в тесные рамки предустановленной роли.

Поворотный момент, или событийная граница, за которой события начинают «расплетаться в обратном, убывающем порядке»¹, маркируется все тем же словом «вдруг»: «Утром *вдруг* произошло чудо» (с. 512). Чудо имело вполне рукотворный и осязаемый характер и представляло собой «пакет со вложением двухсот тысяч рублей ассигнациями» и запиской: «На детский приют. Коммерции советник Р.» (с. 512).

Следствием «чуда» было то, что «Варенька Нелидова вернулась к дисциплине», а откупщик был *внезапно* освобожден» (с. 514). «Финансовые колебания кончались» (Там же). «Свечи зажжены, бланманже *вновь* подавалось к столу. <...>

¹ Ср.: «Основной композиционный прием кумулятивных сказок состоит в каком-либо многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или не расплетается в обратном, убывающем порядке» [Пропп, 2008, с. 329].

Вронченко *снова* приступил к своим обязанностям. Таможня продолжала действовать» (с. 515).

Казалось бы, все закончилось благополучно, вернулось к исходному состоянию, подобно тому, как сам император, отклонившись от заданного маршрута, возвратился в привычную «легкую атмосферу дворца» (с. 488).

Однако прочность обретенного порядка и спокойствия вызывает сомнения. Она столь же обманчива и ненадежна, как поставленные Клейнмихелем тумбы, ибо любой незначительный случай, в котором найдет проявление стихийное начало, связанное с миром человеческих желаний и страхов, может поколебать неустойчивое равновесие.

Сомнения вызваны и тем, что власть – в лице императора и его министров – оказывается бессильной в наведении порядка. Самое большее, на что способен самодержец, – наказать кабатчицу и откупщика, отличить подростка Витушишникову и продемонстрировать готовность к самоотречению, введя (на недолгое время) принцип личной экономии.

Человеком, сумевшим повернуть события вспять и предотвратить финансовый кризис, оказался главный петербургский откупщик и коммерции советник Родоканаки, «совершенно частное лицо», о котором ни император, ни его камергеры и министры ничего не знали. Благополучный исход трудного дела явился итогом хорошо продуманной и удачно проведенной им «верной комбинации», в которой представители власти оказались, по сути, в положении марионеток.

Почему откупщику удастся то, что фатально не получается у императора: воплотить намеченный им план действий и добиться желаемого результата?

Объяснение – в совершенно ином, по сравнению с Николаем, отношении к жизни и людям. «При величайших операциях, которые он вел, он вовсе, однако, не был каким-нибудь *отвлеченным* человеком. Он *живо понимал людей*, и для него не было понятия: “человеческая *слабость*”, а только: “*привычка*”. <...> Комбинации свои Родоканаки обычно строил на привычках нужных лиц. <...> Ни мраморов, ни мундиров; открытый семейный доступ к человеку» (с. 492).

В своих планах и действиях главный петербургский откупщик руководствовался «моральным курсом дня» (с. 493). Что до императора, то его отношение к людям определялось «законными установлениями»¹ и чувством собственного превосходства: «Но как он понимал, насколько ниже его все окружающие, то ничего, в сущности, не имел против того, чтобы они имели свои *слабости*» (с. 479). Принимая решение или отдавая распоряжения, он исходил из отвлеченных представлений о должном – по уставу, положению или чину. Согласно этим представлениям, монарх обладает твердой волей и безграничной властью, а повеления его немедленно и беспрекословно исполняются.

На деле воля императора реализуется в очень узких пределах, ограниченных пространством дворца или собственного воображения, за этими пределами начинается сопротивление среды, препятствующее воплощению слова в дело. Оторванное от реальности, воображение Николая находит опору в мифе о всемогущем самодержце, магическом действии его взгляда и слова.

«Император посмотрел пристально на Клейнмихеля. “Я прикажу быть инженерам честными”, – сказал он» (с. 474).

«Я требую, ты слышишь, требую, чтобы в государстве не было долгов, – сказал он, глядя в упор на министра» (с. 506).

«Я покажу им, – произнес он, – что в России еще есть самодержавие» (с. 489).

Однако приказы и распоряжения или не исполняются вообще, или исполняются для вида. Да и сам император, призванный вершить правосудие, то есть на-

¹ Ср. об императоре: «Составив себе определенное законными установлениями представление об окружающем, он негодовал, находя его другим» (с. 479).

казывать виновных и жаловать достойных, не выдерживает своей роли. Те люди, что вызвали гнев государя, избежали официального наказания: Клейнмихель отделался страхом и щипком¹, Орлов – получением телеграммы, в которой было одно слово «свинья». Суровому наказанию – ссылке в каторжные работы – подверглась только кабатчица.

В выигрыше оказался только Витушишников, сын коллежского регистратора, особо отмеченный императором.

Какую роль в сюжете выполняет этот герой и что он из себя представляет?

Ответом на вопрос может служить имя, точнее, фамилия героя, репрезентирующая основную линию сюжетного развития и являющая собой образно-метафорический эквивалент сюжета². Развитие событий определяется семантикой фамилии: совершив виток вокруг пустого – в прямом и переносном смысле – места, они возвращаются к исходному состоянию³.

Да и сам герой являет собой, в некотором смысле, персонификацию пустоты.

Что сделал Витушишников, чем отличился в глазах императора? Подросток, случайно оказавшийся на месте происшествия, не совершил никакого важного деяния, зато обнаружил бойкость и сообразительность. В отличие от остальных участников уличной сцены, он «сразу же узнал венценосца и, приблизившись, испросил распоряжений» (с. 486), которые исполнил с неожиданной для его возраста «рассудительностью» (с. 484)⁴.

Прояснению функции героя в сюжете в немалой степени способствует указание на его возраст, который теряет всякую определенность и зависит от того, в поле зрения какого персонажа попадает Витушишников. В глазах императора это «юный и розовый малолетний *подросток*» (с. 483); в восприятии кучера Якова это и подросток, и отрок, и юноша (с. 484); поручик Кошкуль 2-й видит в нем «*молодого человека*, лично известного с самой лучшей стороны государю императору» (с. 487). В фельетоне Булгарина, представляющем официальную точку зрения на события, Витушишников предстает в виде «*отрока*», или «*ребенка*» (с. 504–505). В протоколе допроса записано: «Малолетний Витушишников ... сын коллежского регистратора, *пятнадцати лет*, показал: будучи *ребенком* он пробирався на Рыбацкую улицу в Петербургской части, где ... как он слышал, устроилась карусель и производили за плату катанье *детей*» (с. 486)⁵.

Окончательное суждение о возрасте героя принадлежит стражу будки.

«Но ведь он еще был *ребенок?*» – спрашивает у него историк Шубинский. «Нет, – сказал старик, – какой там ребенок, такой бравый. Это только его *звание* было такое, что *малолетний*. Он уже при самом императоре состоял малолетним. Так значился» (с. 516–517).

¹ «Подошедший генерал-адъютант Клейнмихель был внезапно ущипнут. Он был так метко и ловко застигнут врасплох, что не имел времени податься ни вперед, ни назад и предоставил императору свою руку без малейших возражений» (с. 488).

² Ср.: «виток, виточек, витушок – плетенье, жгутик... закрученный, завитый узор...» [Даль, 1978, с. 208]; «шиш – кукиш, фи́га, дуля; *ничто*, или ничего нет» [Даль, 1980, с. 636].

³ Встреча императора с Витушишниковым происходит на Петербургской стороне, которая «при неустроенности мостовых и обилии непроезжих *пустырей*, имела свои прелюбопытства: редкую заселенность, приземистое строение домов, открывавшее глазу широкую перспективу и отсутствие скопления людей на улицах» (с. 481). «Кабак выходил задним своим фасом на *пустырь*, и огороженного двора, в буквальном смысле, вовсе не было» (с. 487).

⁴ «Однако же, вы хорошо нашлись, – с уважением сказал поручик. – Доложу о вас господину обер-полицеймейстеру...» (с. 487)

⁵ Можно констатировать, что в повести использован почти весь спектр значений слов «малолетний», «малолетие», «малолеток». Ср.: «Малолеток – младенец, мальчик, *дитя*, *ребенок*, *отрок*, *юноша*, недоросль, выросток, *подросток*...» [Даль, 1979, с. 205].

То, что ребенком называет себя сам Витушишников и Булгарин, далеко не случайно. И тот, и другой стараются, каждый на свой лад, «быть полезным по начальству» (с. 503). Показания Витушишникова и булгаринский фельетон в их соотнесенности придают завершенность образу идеального подданного, востребованного николаевским временем: сын чиновника, состарившегося на царской службе, он с раннего детства воспитывался отцом «в правилах особо живого почитания всей августейшей фамилии, имея у себя портрет в красках всегда висящим на стене» (с. 486). «Повинуясь голосу сердца», малолетний отрок «обратился на помощь погибающей» (с. 505), предвзято тем самым жест императора.

Витушишников действительно «хорошо нашелся»: усердием и исполнительностью сумел обратить на себя внимание императора и тем самым устроить свою судьбу и счастье¹. И вполне закономерно, что дальнейшая жизнь «чудо-ребенка» оказалась связанной «с историей закрытых военно-учебных заведений, затем 5-го Апшеронского, имени его величества короля Прусского, полка, и, наконец, с внешним отделением с.-петербургской полиции (пристав 3-й части)» (с. 516)².

По сути, малолетний герой являет собой проекцию существующего в сознании Николая представления о народе, который еще не вышел из детского состояния, а потому нуждается в руководстве и контроле со стороны государя – отца и благодетеля, пребывающего в «неусыпных попечениях» о его благе. Можно сказать, что Витушишников – такой же словесный знак николаевского царствования, как подпоручик Кижэ – павловского³, с той лишь разницей, что Кижэ – пустое место, ожившее слово, чье призрачное существование удостоверяется приказом и формулярным списком, а биография составляется из слухов; а «розовый и бойкий» Витушишников все же существует в действительности. Но его реальное существование, как и его возраст, заслоняется и вытесняется легендой, которая была сочинена Булгариным и стала основой для описания жизни и «полной апофеозы» чудо-ребенка, попавшего в число ста славных мужей недавнего прошлого и настоящего.

С точки зрения персонажной поэтики, и Кижэ, и Витушишников пребывают в пограничном пространстве существующего и фикционального, подлинного и мнимого (мнимо существующему Кижэ соответствует мнимо малолетний Витушишников).

Но в том же пространстве пребывает и сам император, чье представление о всесии и всеведении самодержавной власти – плод воображения, находящего опору в «законных установлениях» и публикациях Булгарина, но не в реальности.

Подведем итоги.

Неокумулятивный сюжет, организующий ход событий в «Малолетнем Витушишникове»⁴, как нельзя более соответствует, на структурно-семантическом уровне, центральному образу повести – образу верховной власти, которая перестала быть силой, способной реально оценивать ситуацию, а потому утратила

¹ Другим персонажем, особо отмеченным императором, является Клейнмихель, в повести между ним и Витушишниковым устанавливаются отношения эквивалентности: усердный и исполнительный Клейнмихель тоже состоит в «звании малолетнего», что подчеркивается его «розовым лицом», «тонким, детским дискантом» и «полным уничтожением перед волею своего государя» (с. 473).

² Напомним, что во время «случая» на Петербургской стороне и кабатчица, и солдаты принимают императора за частного пристава.

³ Ср.: «Но наиболее специфическое качество рассказа заключается в том, что анекдот трактован в нем ...“как слово из той эпохи”, – Кижэ понимается как словесный знак павловского времени» [Тоддес, 1981, с. 180].

⁴ Под неокумулятивным сюжетом понимается контаминация, или интерференция двух типов сюжетного построения – кумулятивного и циклического: кумулятивный сюжет являет собой «своеобразную пародию на сюжет циклический, становится дополняющей его противоположностью и оппонентом». См.: [Бройтман, 2001, с. 83].

способность противостоять стихии и справляться с ней. Тотальный надзор («глаз да глаз») оказывается неэффективным, «глаз» не может проникнуть в то, что скрывается за внешним видом, а дисциплина не способна обуздать стихийные проявления человеческой натуры. Власть над другими оказывается иллюзорной и существует лишь на словах, которым не суждено воплотиться в дело. Закон единства сказанного и сделанного, действующий в мифологическом пространстве сказки, похвальной оды, героической поэмы и официальной легенды не работает в реальном пространстве российской истории. Верящий в незыблемость этого закона Николай оказывается в положении фольклорного глупца или простака, которого то и дело обманывают или вводят в заблуждение более ловкие и наделенные здравым смыслом герои¹.

Воссозданная Тыняновым картина николаевского царствования являет собой пародию на патерналистский миф, а образ императора – пародию на героический, идеализированный образ Петра I². Травестией циклического сюжета, свойственного героическому мифу, можно считать кумулятивный сюжет «Малолетного Витушишникова», воплотивший свойственную Тынянову концепцию истории. «Эта история неизменна, она всегда одинакова, будь то при Петре, при Павле, при первом из Николаев или в советские тыняновские десятилетия» [Гольдштейн, 1997, с. 229–230].

Дополним: эта история еще и трагична, даже если на первом плане оказывается ее комическая сторона. Трагизм находит выражение в судьбах «малых мира сего» (Якова и Михаила из «Восковой персоны», Синюхаева из «Подпоручика Киж», кабатчицы из «Малолетного Витушишникова»), в утрате героями чувства подлинности, в нерелевантности личности, отличающей созданный Петром государственный строй, что ведет, в конечном счете, к торжеству хаоса и пустоты.

Литература

- Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М., 2001.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1978–1980.
- Гольдштейн А.Л. Расставание с Нарциссом: Опыты поминальной риторики. М., 1997.
- Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2008.
- Скалова Л. К вопросу о роли анекдота в художественной прозе (Рассказы «Подпоручик Киж» и «Малолетный Витушишников» Юрия Тынянова) // *Ceskoslovenska rusistika*. 1976. № 3. С. 106–109.
- СУСС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- Тодес Е.А. Послесловие // Тынянов Ю.Н. Подпоручик Киж. М., 1981. С. 164–200.
- Тынянов Ю.Н. Малолетный Витушишников // Тынянов Ю.Н. Сочинения: В 3 т. М.; Л., 1959. Т. 1.
- Цырлин Л. Тынянов-беллетрист. Л., 1935.

¹ Этот модус восприятия задается уже экспозицией повести, ассоциативно связанной с тем сказочным типом, в котором героиня печалится о судьбе не родившегося еще ребенка. См.: [СУСС, 1979, № 1384, 1450].

² Комически сниженное подобие «великому прашуру» находит воплощение в создании пародийных вариантов тех мотивов и ситуаций, которые соединялись с именем первого российского императора (спасение утопающих, проверка/испытание часовых, награда по достоинству и др.).